

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ СУДЬБЫ

Вольдемар БАЛЯЗИН

НЕДОПЕТАЯ ПЕСНЯ РОССИИ

В ночь с 14 на 15 октября 1814 года в Москве, у Красных ворот, в доме генерал-майора Федора Николаевича Толя в семье отставного капитана Юрия Петровича Лермонтова родился сын.

Его назвали Михаилом и ранней весной следующего года отвезли в деревню Тарханы, к бабушке.

Деревня эта находилась в Чембарском уезде, Пензенской губернии. Там-то и прошло детство Мишеньки Лермонтова — будущего великого поэта.

Что видел он там? Что рассказывали ему в первые годы жизни? Что запомнилось ему лучше всего?

Самое первое его впечатление — песня маменьки. Вспоминая об этом, пятнадцатилетний Михаил Лермонтов писал: «Когда я был трех лет (на самом деле ему только шел третий год), то была песня, от которой я плакал; ее не могу теперь вспомнить, но уверен, что если б услышал ее, она бы произвела прежнее действие. Ее певала мне покойная мать».

А когда мальчику шел третий год, маменька умерла. Мишенька на всю жизнь запомнил сцену похорон и через восемнадцать лет так описал их:

Он был дитя, когда в тесовый гроб
Его родную с пеньем уложили.
Он помнил, что над нею черный поп
Читал большую книгу, что кадили,
И прочее... и что, закрыв весь лоб
Большим платком, отец стоял в молчанье.
И что, когда последнее лобзанье
Ему велели матери отдать,
То стал он громко плакать и кричать...

Маменьку похоронили в Тарханах, там, где прошло **его** детство, и Мишенька часто подолгу простаивал в семейном склепе у могильной плиты, на которой было написано: «Под камнем сим лежит тело Марии Михайловны Лермонтовой, урожденной Арсеньевой, скончавшейся 1817 года февраля М к», в субботу, житие ей было 21 год, 11 месяцев, 7 дней».

Елизавета Алексеевна, полагая, что не будет ей счастье» << доме, где умерли и муж ее и дочь, приказала снести старые господские хоромы, а на их месте велела воздвигнуть церковь во имя святой Марии Египетской — ведь покойную ее дочь тоже звали Марией. А рядом с церковью построила дом с меюни ном, где и стала жить со своим внуком.

А когда было ему шесть лет, он нарисовал на листке синий бумаги в доставшемся ему альбоме двоюродной его тетки памятник, окруженный цветами, и урну.

Это был один из первых дошедших до нас рисунков Лермонтова, и, наверное, совсем не случайным окниикн именно этот сюжет — смерть матери, поразившая воображении млш. чика на многие годы.

Домашние, наблюдавшие маленького Мишеньку, с удивлением заметили, что, едва научившись говорить, он стал рифмовать слова, а потом и короткие фразы.

Почти тогда же начал он и рисовать, ползая по обитому сукном полу в своей детской комнате и чертя по сукну мелом. И даже на портрете — самом раннем, где Мишеньке около трех лет, он изображен с мелом в правой руке и свитком с рисунками — в левой. •

И, конечно же, не случайно, что одно из первых своих стихотворений, названное «Поэт», тринадцатилетний Лермонтов посвятил великому итальянскому художнику Рафаэлю.

Живою кистью окончал:
Своим искусством восхищенный
Он пред картиною упал!

А потом Лермонтов писал, что поэт, как и художник, воспевает красоту мира. И это делает художников и поэтов родными братьями...

Через девять дней после смерти маменьки из Тархан уехал отец Мишеньки — отставной капитан Юрий Петрович Лермонтов.

Когда мальчик подрос, он узнал, что виновником смерти маменьки была не столько чахотка, сколько отец его — Юрий Петрович — любитель вина, женщин и карточной игры.

Он узнал, что однажды, возвращаясь из гостей, отец ударил маменьку кулаком по лицу и именно после этого она и заболела.

Но хотя всю свою короткую жизнь Михаил Лермонтов жалел

и любил страдальцу мать, он не позволял себе никаких дурных чувств по отношению к отцу.

А когда отец скончался, то шестнадцатилетний поэт посвятил ему такие стихи:

Ужасная судьба отца и сына
Жить розно и в разлуке умереть
И жребий чуждого изгнанника иметь
На родине с названьем гражданина!
Но ты свершил свой подвиг, мой отец,
Постигнут ты желанною кончиной;
Дай бог, чтобы, как твой, спокоен был конец
Того, кто был всех мук твоих причиной!
Но ты простишь мне! Я ль виновен в том,
Что люди угасить в душе моей хотели
Огонь божественный, от самой колыбели
Горевший в ней, оправданный творцом?
Однако ж тщетны были их желанья:
Мы не нашли вражды один в другом,
Хоть оба стали жертвою страданья!
Не мне судить, виновен ты иль нет...

Отец отвечал сыну тем же. В оставленном завещании Юрий Петрович писал: «...Ты одарен способностями ума,— не пренебрегай ими и всего более страшись употреблять оные на что-либо вредное или бесполезное: это талант, в котором ты должен будешь некогда дать отчет Богу!.. Ты имеешь, любезнейший сын мой, доброе сердце... Благодарю тебя, бесценный друг мой, за любовь твою ко мне и нежное твоё ко мне внимание».

О чем еще рассказывали мальчику в годы его детства? Не только об отце, который не жил с ним, и не только о матери, так рано оставившей его.

Как и всякий благородный человек, Лермонтов не мог не интересоваться своим родословием, и здесь для него оказалась масса прелюбопытнейших сведений.

На протяжении всей своей жизни Михаил Юрьевич не переставал интересоваться своей генеалогией. А она была более чем неординарна.

По отцу предками Лермонтовых были шотландские дворяне, происходящие от легендарного Лерманта — поэта-прорицателя, основоположника шотландской литературы, известного в народе под именем Томаса-Рифмача.

Томас Лермант получил права дворянина во второй поло-

ЧЕРКЕСЫ.

Подобно племени Батыя,
Ильбишъ правдѣдимъ Кавказъ; —
— Забудѣдрани вѣщи гласъ,
Оставитъ стрѣлы боевыя,
. . . И къ тѣмъ скаламъ гдѣ крылись вы,
Подвѣдешъ путникъ безъ должи;
И возвѣстятъ о вашей казни
Преданья темныя молвы!
А Пушкинъ.

вине XI века от шотландского короля Малькольма III за то, что помог ему в междоусобной войне с Макбетом — тем самым Макбетом, который был обессмертен Шекспиром.

В 1613 году один из потомков Томаса Лерманта — Георг (Юрий) оказался в России во время польско-шведской интервенции и вместе с шестьюдесятью своими соотечественниками перешел на русскую службу. Потом он служил в войске князя Пожарского и погиб за свою новую родину, сражаясь против поляков.

Потомки Лерманта служили России верой и правдой и почти все были офицерами: прапрадед был капитаном в армии Петра I, прадед — секунд-майор, а дед — поручик в армии Екатерины II, отец, как мы уже знаем, вышел в отставку — капитаном.

Шотландские прародители со стороны отца дополнялись татарскими предками со стороны матери.

Ее род в России вел свое начало от перешедшего на службу к Дмитрию Донскому татарского мурзы Челебея. В четырнадцатом колене в родословии Арсеньевых значится дед поэта Михаил Васильевич — капитан лейб-гвардии Преображенского полка, предводитель дворянства Чембарского уезда Пензенской губернии. Мишенька назван был в честь, и по утверждению домочадцев, знавших чембарского предводителя, внук перенял от него и характер, и привычки, и нрав, и свойства.

Михаил Васильевич был умен, влюбчив, необуздан нравом, непредсказуем в поступках. Он увлекался театром и нередко устраивал в Тарханах, купленных им у помещика Нарышкина, любительские спектакли и маскарады.

1 января 1810 года в доме Арсеньевых ставили «Гамлета», и сорокадвухлетний хозяин усадьбы играл роль могильщика. В антракте Михаил Васильевич сел между женой и дочерью и, обняв их за плечи, сказал: «Ну, любезная моя, Лизанька, ты у меня будешь вдовушкой, а ты, Машенька, будешь сироткой». С тем «могильщик» в костюме и гриме вышел в гардеробную комнату и там отравился.

Спасти его не удалось.

Скоропостижная вдова, забрав пятнадцатилетнюю дочь, тотчас же уехала, не оставшись на похороны и приказав дворovým самим предать самоубийцу земле. Она была не просто обижена, но уязвлена и оскорблена нелепой и греховной смертью мужа, бросившего содеянным тень и на нее и на осиротевшую дочь.

Елизавета Алексеевна была горда, независима и самолюбива. Ее характер в значительной мере был плодом на старом и богатом генетическом древе ее рода — рода состоятельных и на редкость хозяйственных русских дворян Столыпиных.

Елизавета Алексеевна гордилась своим происхождением, и Мишенька знал, что в родстве с его бабушкой были князья Черкасские, Трубецкие, Вяземские и Горчаковы, графы Мордвиновы и Шереметевы, столбовые дворяне Анненковы, Воейковы, Евреиновы, Философовы и многие иные.

Из рода Столыпиных вышли крупные государственный и военные деятели — министры, командиры полков, губернские предводители дворянства, дипломаты. Один брат бабушки поэта — Александр был адъютантом Суворова, другой — Аркадий — тайным советником и сенатором, другом знаменитого М. М. Сперанского, третий — Николай — генерал-лейтенантом, военным губернатором Севастополя, четвертый — Дмитрий — другом Пестеля, командир корпуса, которого декабристы прочли в состав своего Временного правительства. Наконец, пятый — младший брат бабушки — Афанасий — участник Бородинского сражения, награжденный золотой шпагой «За храбрость». Это он рассказывал поэту о великом сражении под Москвой, и его впечатления помогли Лермонтову написать одно из лучших своих стихотворений — «Бородино». (Кстати, первое из опубликованных им стихотворений).

Со Столыпинами — дядьями и тетками, двоюродными и троюродными братьями и сестрами — дружил Михаил Лермонтов и всегда замечал, что все они представляют собою сплоченную семейную корпорацию людей талантливых, жизненно стойких, чаще всего практичных и жестких, целеустремленных и волевых, не лишенных романтизма и мечтательности, но вместе с тем достаточно прочно стоящих на земле.

Многими из этих качеств обладала и бабушка Мишеньки. Твердость характера, свойственная Елизавете Алексеевне и до смерти мужа, после того стала еще сильнее.

Именно с нею предстояло теперь жить ее дочери, а после того, как Мария Михайловна скончалась, на руках Елизаветы Алексеевны остался и ее единственный сын — Мишенька. С самого начала жизни был он окружен трепетной заботой и безмерной любовью бабушки. В письме к своей троюродной сестре — Прасковье Александровне Крюковой — Елизавета Алексеевна писала о внуке: «Он один свет очей моих, все мое блаженство в нем».

О его детстве сохранились воспоминания тарханских **трестьян**. Вот лишь некоторые из них.

На день рождения бабушка однажды спросила его:

— Что подарить тебе, Мишенька?

И он ответил:

— Дайте мне один день поуправлять имением.

Бабушка согласилась, и Мишенька в этот день подарил крестьянам барскую рощу — Долгую рощу, как ее называли.

Только бабушка на следующий день рощу эту отобрала назад.

Однако в другой раз Мишенька сумел настоять на своем. А дело было так: крестьяне собрали 36 рублей, купили красивого серого коня и подарили его молодому барину. Мальчик был несказанно рад подарку и упрощил бабушку, чтобы она разрешила крестьянам, которые подарили ему коня, взять из Долгой рощи столько леса, сколько нужно будет, чтобы построить каждому из них по новой избе.

Бабушка разрешила, и в деревне появилась новая улица¹, над каждой избой был поставлен конек. Наверное, в память о подарке, который сделали крестьяне своему любимцу.

А если кого-нибудь из крестьян вели пороть, Мишенька бросался освобождать несчастного — с палкой, с ножом, с чем попало. И бабушка отменяла наказание.

Воспоминания о добром и великодушном мальчике передавались из поколения в поколение, и коренные жители Тархан рассказывают об этом даже сегодня.

Когда же Михаил Юрьевич получил право распоряжаться судьбами принадлежавших ему рабов, его «крещенной собственностью», он, конечно же, отпустил всех их на волю, не взяв, разумеется, ни копейки выкупа.

... А пока жил он с бабушкой в деревне, играл со сверстниками в военные игры, учился музыке и языкам, слушал рассказы взрослых и сверстников и думал обо всем, что видел и о чем довелось ему услышать. И переплавлял все это в уме и сердце своем в дивные стихи, то преисполненные печали, то полыхавшие бунтарством, то звеневшие прощальными колокольчиками разлуки...

Его стих был необычайно музыкален. Наверное, это являлось следствием того, что Михаил Лермонтов с самого раннего детства был одержим не только поэзией и рисованием, но и музыкой.

Музыка сопровождала Лермонтова всю жизнь. Он играл на фортепьяно. Играл на скрипке. В 14 лет он публично исполнил аллегро из скрипичного концерта Людвиг Маурера — произведение, весьма трудное для исполнения.

Стансы. (1802 г. (1806 г. (1807 г.))

Взвешивая твои жестокие браны
Встаю я, да судьбу мою

поискаю нела. а да величавые поре
и тебе и ду. или ^{и ты и я} ~~и ты и я~~

Всего потеряла и не жалею
и вовек не вернусь тебе и не бою,
Одна и вечно одна стою одна,
и вечно одна стою одна, судья
твои дела и судьбу твою

II.

Слабее и до конца не жалею
и вовек не вернусь тебе и не бою.

Остаток сердца и души
и вовек не вернусь тебе и не бою.

Ничто не движет и не жалею
и вовек не вернусь тебе и не бою.

Ничто не движет и не жалею
и вовек не вернусь тебе и не бою.

III.

и не требовал и не жалею
но она и вовек не жалею

Слушай и не жалею слова каковы.
то и вовек не жалею и не бою.

и вовек не жалею и не бою
и вовек не жалею и не бою

и вовек не жалею и не бою
и вовек не жалею и не бою

Однако же начало всему этому было положено в Тарханах, в первые годы его жизни.

• * #

А потом была поездка с бабушкой на Кавказские Минеральные воды (летом 1820 года и еще одно путешествие в 1825-м, когда пришла и первая любовь, случившаяся в Горячеводске). В кн год Мишелю сравнялось десять лет. И он записал несколько лет спустя: «Говорят (Байрон), что ранняя страсть означает душу, которая будет любить изящные искусства. Я думаю, что в такой душе много музыки».

Кавказ потряс мальчика. И этот край, где посетила его первая любовь, стал для него вечной любовью. «Юный поэт заплакал полную дань волшебной стране, поразившей лучшими, благодатнейшими впечатлениями его поэтическую душу. Кавказ был колыбелью его поэзии, так же, как он был колыбелью поэзии Пушкина, и после Пушкина никто так поэтически не отблагодарил Кавказ за дивные впечатления его девственно величавой природы, как Лермонтов», — писал В. Г. Белинский.

«Кавказский пленник» Пушкина был одной из любимых поэм юного Лермонтова. Под ее впечатлением он в 1828 году написал собственную поэму под тем же названием. А первой его поэмой были «Черкесы», написанные летом того же 1828 года.

Первый свой опыт в драматургии четырнадцатилетний Лермонтов посвятил также Пушкину. В 1829 году он попробует написать либретто к опере «Цыганы» и снова по мотивам одноименно поэмы Пушкина, но, кажется, не доведет это дело до конца.

И в том же году он начнет писать одно из самых главных своих произведений — поэму «Демон», работа над которой займет у него десять лет.

...В 1824 году в печати появилось стихотворение Пушкина «Мой демон». Лермонтов, прочитав его, в 1829 году написал стихотворение под таким же названием, и еще одно год спустя — и снова под тем же названием, но только суть произведений была диаметрально противоположна — Пушкин противостоял Демону, Лермонтов же — нерасторжимо был с ним связан.

О своем демоне Пушкин писал:

Печальны были наши встречи:
Его улыбка, чудный взгляд,
Его язвительные речи
Вливали в душу хладный яд.
Неистошимою клеветою
Он провиденье искушал
Он звал прекрасное мечтою;
Он вдохновенье презирал;
Не верил он любви, свободе,

На жизнь насмешливо глядел —
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.

А лермонтовский демон столь же язвительный и холодный, столь же коварный и презрительный, чуждый любви и сожаленья, все-таки близок юному поэту:

И гордый демон не отстанет,
Пока живу я, от меня,
И ум мой озарять не станет
Лучом чудесного огня;
Покажет образ совершенства
И вдруг отнимет навсегда
И, дав предчувствия блаженства,
Не даст мне счастья никогда.

Осенью 1829 года Лермонтов начал изучать английский язык, и вскоре рядом с Пушкиным встал перед юным стихотворцем еще один великий поэт — Джордж Ноэл Гордон Байрон — романтик и бунтарь, английский аристократ, погибший в борьбе за свободу Греции. Пожалуй, ни один поэт не произвел на юного Лермонтова такого глубокого и сильного впечатления, как Байрон — властитель дум лучших людей тогдашней России. Пожалуй, не было в первые годы творческой жизни Лермонтова никакого другого поэта, чье бы воздействие оказалось таким плодотворным.

И какую же кардинальную внутреннюю эволюцию надо было пережить молодому поэту, чтобы в семнадцать лет написать:

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.
Я раньше начал, кончу ране,
Мой ум немного совершит;
В душе моей, как в океане,
Надежд разбитых груз лежит.
Кто может, океан угрюмый,
Твои изведать тайны? Кто
Толпе мои расскажет думы?
Я — или бог — или никто!

Сравнивая себя с богом, молодой поэт в собственном представлении становится выше всех смертных, а следовательно, и выше Байрона.

И в одной ли творческой эволюции дело? Нет, наверное.

Однако это уже выходит за рамки того, о чем хотелось рассказать...